Содержание

Глава 17. Начало холодной войны 4

Глава 18. Успехи и провалы политики сдерживания 48

Глава 19. Проблема политики сдерживания:
Корейская война 99

Глава 20. Переговоры с коммунистами Аденауэра,
Черчилля и Эйзенхауэра 137

Глава 21. Скачкообразность политики сдерживания:
Суэцкий кризис 192

Глава 22. Венгрия: бунт на корабле империи 247

Глава 23. Ультиматум Хрущева.
Берлинский кризис 1958—1963 годов 279

Глава 24. Концепции западного единства.
Макмиллан, де Голль, Эйзенхауэр и Кеннеди 329

Глава 25. Вьетнам — путь в трясину.
Трумэн и Эйзенхауэр 379

Глава 26. Вьетнам — на пути к отчаянию.
Кеннеди и Джонсон 424

Глава 27. Вьетнам — выход из трясины. Никсон 485

Глава 28. Превращение внешней политики
в геополитику. Дипломатия Никсона
в «треугольнике» 541

Глава 29. Разрядка и неудовлетворенность от нее 600

Глава 30. Окончание холодной войны.
Рейган и Горбачев 658

Глава 31. Пересмотр структуры нового
мирового порядка 739

Примечания *807*

Благодарности *860*

Сотрудникам и сотрудницам дипломатической службы Соединенных Штатов Америки, чей профессионализм и самоотверженность служат на благо американской дипломатии.

Глава 17

Начало холодной войны

Подобно Моисею, Франклин Делано Рузвельт видел Землю обетованную, но ему не дано было достичь ее. Когда он умер, союзные войска находились глубоко внутри Германии, а битва за Окинаву, как прелюдия к планируемому союзному вторжению на основные Японские острова, только началась.

Смерть Рузвельта 12 апреля 1945 года не была неожиданностью. Врач Рузвельта, встревоженный резкими колебаниями кровяного давления у пациента, в январе сделал вывод, что президенту удастся выжить, только если он будет избегать какой бы то ни было напряженности. При нагрузке, связанной с работой президентом, это заявление было равносильно смертному приговору[553]. В какой-то безумный миг Гитлер и Геббельс, оказавшиеся в западне в окруженном Берлине, впали в заблуждение, поверив в то, что они станут скоро свидетелями повторения названного в учебниках немецкой историографии чудом Бранденбургского дома, когда в Семилетнюю войну, в то время как русские армии стояли у ворот

Берлина, Фридрих Великий был спасен благодаря внезапной смерти русской правительницы и восшествию на престол дружественно настроенного царя. История, однако, не повторилась в 1945 году. Нацистские преступления обусловили, по крайней мере, одну общую для всех союзников цель: ликвидировать нацистскую чуму.

Крах нацистской Германии и необходимость заполнить образовавшийся в результате этого вакуум силы привели к распаду военного партнерства. Цели союзников просто сильно расходились. Черчилль стремился не допустить господства Советского Союза в Центральной Европе. Сталин хотел, чтобы ему за советские военные победы и героические страдания русского народа заплатили территориальной монетой. Новый президент Гарри С. Трумэн поначалу стремился следовать заветам Рузвельта, направленным на закрепление союза. Однако к концу его первого президентского срока исчезли последние остатки гармонии военного времени. Соединенные Штаты и Советский Союз, два гиганта на периферии, теперь противостояли друг другу в самом центре Европы.

Социальное происхождение Гарри С. Трумэна настолько отличалось от происхождения его великого предшественника, что это даже трудно было себе представить. Рузвельт был признанным членом космополитичной политической элиты Северо-Востока США; Трумэн происходил из сельского среднего класса Среднего Запада. Рузвельт получал образование в лучших частных средних школах и университетах; Трумэн так и не поднялся выше уровня неполной средней школы, хотя Дин Ачесон должен был

с восторгом и восхищением говорить, что он настоящий йелец в лучшем смысле этого слова. Вся жизнь Рузвельта была подготовкой к занятию высшей государственной должности в стране; Трумэн был продуктом политической машины Канзас-Сити.

Избранный на пост вице-президента лишь после того, как кандидатура первого выдвиженца Рузвельта Джеймса Бирнса была отклонена профсоюзным движением, Гарри Трумэн своей прошлой политической карьерой не подавал каких-либо особых признаков того, что из него выйдет исключительный президент. Не имея реального внешнеполитического опыта и руководствуясь лишь самыми неясными дорожными картами, оставшимися от Рузвельта, Трумэн унаследовал задачу завершения войны и строительства нового международного порядка, даже в то время как принятые в Тегеране и Ялте планы разваливались на части.

Как оказалось, Трумэн возглавил наступление холодной войны и становление политики сдерживания, которая в итоге и привела к победе в ней. Он вовлек Соединенные Штаты в первый за всю их историю военный союз мирного времени. Под его руководством концепцию Рузвельта относительно «четырех полицейских» сменила беспрецедентная система коалиций, которая оставалась в течение 40 лет сердцевиной американской внешней политики. Поддерживая веру Америки в универсальность ее ценностей, этот простой человек со Среднего Запада призвал поверженных врагов вернуться в сообщество демократических стран. Он поддержал «план Маршалла» и «Четвертый пункт» своей программы, посредством которых Америка выделяла ресурсы

и технологию на восстановление и развитие территориально отдаленных обществ.

Я встречался с Трумэном лишь однажды, в начале 1961 года, когда был младшим преподавателем Гарвардского университета. Выступление с лекцией в Канзас-Сити дало мне возможность посетить бывшего президента в Президентской библиотеке Гарри Трумэна в расположенном поблизости городе Индепенденс, штат Миссури. Прошедшие годы не отразились на жизнерадостной настроенности бывшего президента. Устроив экскурсию по заведению, Трумэн затем пригласил меня к себе в кабинет, оказавшийся точной копией Овального кабинета Белого дома во времена его президентства. Услышав, что я по совместительству работаю консультантом в Белом доме при президенте Кеннеди, он спросил меня, чему я научился. Используя штампы вашингтонских вечеринок, я ответил, что бюрократия представляется мне функционирующей четвертой ветвью власти, серьезно ограничивающей свободу действий президента. Трумэн не нашел это замечание ни забавным, ни поучительным. В раздражении от того, что с ним разговаривают, как он это назвал, «по-профессорски», он разразился бранью, а затем развернул передо мной свое представление о роли президента: «Если президент знает, чего он хочет, ему не может помешать никакая бюрократия. Президент обязан знать, когда следует прекратить принимать советы».

Быстро отступив на привычную академическую почву, я спросил Трумэна, по какому внешнеполитическому решению он хотел, чтобы его запомнили. «Мы полностью разгромили наших врагов и заставили их сдаться, — заметил он. — А затем мы же помогли

им восстановиться, стать демократическими странами и вернуться в сообщество наций. Только Америка сумела бы это сделать». После этого Трумэн прошел вместе со мной по улицам Индепенденса к простому дому, где он жил, чтобы познакомить меня со своей женой Бесс.

Я пересказываю эту краткую беседу, потому что она полностью отразила суть истинно американской натуры Трумэна: его понимание величия президентского поста и обязанностей президента, его гордость могуществом Америки и, превыше всего, его веру в то, что истинное призвание Америки состоит в том, чтобы служить источником свободы и прогресса для всего человечества.

Трумэн приступил к самостоятельному исполнению президентских обязанностей, выйдя из тени Рузвельта, который после смерти превратился в почти мифическую личность. Трумэн искренне восхищался Рузвельтом, но, в итоге, как и подобает каждому новому президенту, он сформировал унаследованный от него пост с точки зрения своего собственного опыта и ценностей.

Став президентом, Трумэн гораздо в меньшей степени, чем Рузвельт, ощущал эмоциональную приверженность единству союзников; для выходца из изоляционистского Среднего Запада единство между союзниками было скорее предпочтительным с практической точки зрения, чем эмоциональной или моральной необходимостью. Не испытывал Трумэн и восторженности по поводу военного партнерства с Советами, к которым он всегда относился с осмотрительностью. Когда Гитлер напал на Советский Союз, тогда еще сенатор Трумэн расценивал

обе диктатуры как равнозначные в моральном плане и рекомендовал, чтобы Америка содействовала тому, чтобы они сражались до своей смерти: «*Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если выигрывать будет Россия, то нам следует помогать Германии, и, таким образом, пусть они убивают как можно больше*, хотя мне ни при каких обстоятельствах не хотелось бы видеть победителем Гитлера. Ни один из них не выполняет своих обещаний»[554].

Несмотря на ухудшение состояния здоровья Рузвельта, Трумэна за все три месяца пребывания на посту вице-президента ни разу не привлекали к участию в выработке ключевых внешнеполитических решений. Не был он и введен в курс дела относительно проекта создания атомной бомбы.

Трумэн получил в наследство международную обстановку, где разделительные линии не оформлялись юридически, а определялись сходившимися друг с другом армиями с востока и с запада. Политическая судьба стран, освобожденных союзниками, еще не была решена. Большинство традиционных великих держав должны были приспосабливаться к новой для себя роли. Франция оказалась повержена; Великобритания, хотя и победила, но была истощена; Германию разрезали на четыре оккупационные зоны — пугавшая Европу своей силой с 1871 года она теперь из-за своего бессилия угрожала хаосом. Сталин передвинул советскую границу почти на 1000 километров к западу до Эльбы, в то время как перед его армиями образовывался вакуум вследствие слабости Западной Европы и планируемого вывода американских войск.

Первоначальным инстинктивным порывом Трумэна было поладить со Сталиным, особенно с учетом того, что американские начальники штабов все еще хотели советского участия в войне против Японии. Хотя Трумэн был раздражен неуступчивым поведением Молотова во время первой встречи с советским министром иностранных дел в апреле 1945 года, он объяснял трудности разностью исторического опыта. «Нам надо твердо держаться с русскими, — сказал Трумэн. — Они не знают, как себя вести. Они похожи на слона в посудной лавке. Им всего 25 лет. Нам уже больше 100, а британцы на несколько веков старше. Мы должны научить их, как себя вести»[555].

Это было типично американское заявление. Начав с предположения о наличии связующей гармонии, Трумэн объяснял разногласия с Советами не противоположностью геополитических интересов, а «неумением себя вести» и «политической незрелостью». Иными словами, он верил в возможность сподвигнуть Сталина на «нормальное» поведение. И когда столкнулся с реальностью, говорящей о том, что на самом деле напряженность между Советским Союзом и Соединенными Штатами проистекает не по причине какого-то недоразумения, а носит общий характер, началась история холодной войны.

Трумэн унаследовал главных советников Рузвельта, и его президентство началось с попытки и далее развивать концепцию своего предшественника относительно «четырех полицейских». В своем обращении 16 апреля 1945 года, через четыре дня после вступления в должность, Трумэн в мрачных тонах обрисовал контраст между мировым содружеством и хаосом и не увидел никакой альтернативы

глобальной коллективной безопасности, кроме анархии. Трумэн вновь подтвердил свою приверженность вере Рузвельта в особую обязанность союзников военных лет по поддержанию своего единства с тем, чтобы установить и сберечь новый мирный международный порядок, а самое главное, отстоять принцип, утверждающий, что международные конфликты не должны решаться с применением силы:

«Ничто не может быть более важным для будущего мира во всем мире, чем продолжающееся сотрудничество между нациями, собравшими все свои силы, чтобы сорвать заговор держав «оси», направленный на достижение мирового господства.

Поскольку эти великие державы обладают особыми обязательствами по установлению мира, то их ответственность базируется на обязательстве, возлагаемом на все государства, большие и малые, не применять силу в международных отношениях, за исключением необходимости защитить право»[556].

Составители речей Трумэна, очевидно, не думали, что обязаны вносить в его тексты какое-то разнообразие или, возможно, считали свой стандартный текст не нуждающимся в улучшении, так как это положение было дословно повторено в речи Трумэна от 25 апреля на подготовительной конференции Организации Объединенных Наций в Сан-Франциско.

Но, несмотря на высокопарную риторику, неопровержимые геополитические факты формировали обстановку на местах. Сталин вернулся к прежней тактике проведения внешней политики и требовал платы за свои победы в единственной валюте,

воспринимаемой им всерьез, — в форме контроля над территориями. Он понимал, что такое сделки, и готов был участвовать в торгах, но лишь тогда, когда речь шла о конкретных обменах по принципу *quid pro quo*, то есть о сферах влияния. Он также мог торговать пределами коммунистического влияния в Восточной Европе в обмен на конкретные выгоды вроде массированной экономической помощи. Зато абсолютно вне пределов понимания этого одного из наиболее беспринципных руководителей, когда-либо возглавлявших крупную страну, находилась идея о том, что внешнюю политику можно основывать на коллективной доброй воле или на фундаменте международного права. С точки зрения Сталина, встречи лидеров мирового масштаба с глазу на глаз могут зафиксировать соотношение сил или расчет национального интереса, но они не способны изменить их. И потому он никогда не отвечал на призывы Рузвельта или Черчилля вернуться к товарищеским отношениям военного времени.

Не исключено, что огромный престиж, завоеванный Рузвельтом, мог бы еще какое-то дополнительное время заставлять Сталина сдерживать свои аппетиты. В итоге все равно Сталин делал бы уступки только «объективной» реальности; для него дипломатия была всего лишь одним из аспектов более широкой и неизбежной борьбы за определение соотношения сил. Проблема, вставшая перед Сталиным в его взаимоотношениях с американскими руководителями, заключалась в том, что он с огромным трудом понимал, какую важную роль для них играли мораль и законность в их взглядах на внешнюю политику. Сталин действительно не понимал, почему

американские руководители поднимают такой шум по поводу внутреннего устройства восточноевропейских государств, в которых у них нет никакого заметного стратегического интереса. Приверженность американцев принципу, не связанному с каким-либо конкретным интересом, который был бы совершенно понятен, заставляла Сталина искать скрытые мотивы. «Боюсь, — докладывал Аверелл Гарриман в бытность послом в Москве, — ...что Сталин не понимает и никогда не поймет полностью нашей принципиальной заинтересованности в свободной Польше. Он реалист... и ему трудно осознать нашу приверженность абстрактным принципам. Ему затруднительно понять, отчего нам вдруг хочется вмешиваться в советскую политику в стране, подобной Польше, которую он считает такой важной с точки зрения безопасности России, если у нас не имеется каких-либо скрытых мотивов...»[557]

Сталин, мастер практического применения принципов *Realpolitik*, должно быть, ожидал, что Америка будет препятствовать установлению нового геополитического баланса, возникшего благодаря присутствию Красной Армии в центре Европейского континента. Человек с железными нервами, он был не из тех, кто может пойти на предварительные уступки; он, должно быть, решил, что гораздо лучше собрать все накопившиеся козыри и осмотрительно сидеть с заработанными призовыми и ждать от союзников следующего шага. При этом Сталин всерьез воспринимал только такие шаги, последствия которых можно было бы проанализировать с точки зрения соотношения между риском и прибылью. А когда

союзники не могли оказать на него какого-либо давления, Сталин просто бездействовал и остался при своих интересах.

Сталин вел себя в отношении Соединенных Штатов столь же издевательски, как он привык действовать по отношению к Гитлеру в 1940 году. В 1945 году Советский Союз, ослабленный потерей десятков миллионов жизней и опустошением трети своей территории, оказался лицом к лицу с непострадавшей Америкой, обладающей атомной монополией; в 1940 году он столкнулся с Германией, контролирующей весь остальной континент. В каждом из этих случаев Сталин, вместо того чтобы идти на уступки, укреплял позиции советского государства и пытался блефовать перед лицом потенциальных противников, заставляя их верить в то, что он скорее двинется еще дальше на запад, чем отступит. И в каждом из этих случаев он неверно рассчитал реакцию своих оппонентов. В 1940 году визит Молотова в Берлин укрепил решимость Гитлера в отношении вторжения; в 1945 году тот же самый министр иностранных дел сумел превратить добрую волю Америки в конфронтацию холодной войны.

Черчилль понял дипломатические расчеты Сталина и попытался им противодействовать, предприняв два шага со своей стороны. Он настоял на как можно скорейшей встрече на высшем уровне трех союзников военных лет, чтобы решить назревшие вопросы еще до того, как укрепится советская сфера влияния. С учетом этого Черчилль хотел бы, чтобы западные державы заполучили как можно больше козырей для переговоров. Возможность для этого он видел в том, что советские войска встретились

с армиями союзников значительно восточнее, чем было предусмотрено, и что в результате этого союзные силы контролировали около трети территории, выделенной советской зоне оккупации Германии, включая большую часть промышленно развитых районов. Черчилль предложил использовать эту территорию в качестве рычага воздействия на предстоящих переговорах. 4 мая 1945 года он протелеграфировал инструкции министру иностранных дел Идену, собиравшемуся встретиться с Трумэном в Вашингтоне: «...союзники не должны ни в коем случае отступать с занимаемых позиций к линиям зон оккупации до тех пор, пока мы не будем удовлетворены делами в Польше, а также временным характером русской оккупации Германии и условий, устанавливаемых в русифицированных или подконтрольных России придунайских странах, в частности в Австрии и Чехословакии, а также на Балканах»[558].

Новая американская администрация, однако, была не более благожелательна к британской *Realpolitik*, чем ранее была рузвельтовская. Дипломатическая схема военных лет, таким образом, повторилась. Американские лидеры с большой радостью дали согласие на встречу на высшем уровне в Потсдаме, под Берлином, во второй половине июля. Но Трумэн еще не был готов принять предложение Черчилля действовать со Сталиным по принципу применения кнута и пряника для получения желаемых результатов. Фактически администрация Трумэна оказалась столь же готовой, как и ее предшественница, преподать урок Черчиллю, показав ему, что дни дипломатии баланса сил безвозвратно миновали.

В конце июня, менее чем за месяц до назначенной встречи, американские войска отошли на согласованную демаркационную линию, не оставляя Великобритании иного выбора, как последовать их примеру. Более того, точно так же, как Рузвельт в значительной степени переоценивал возможности Великобритании, администрация Трумэна уже видела себя в роли посредника между Великобританией и Советским Союзом. Преисполненный решимости не произвести впечатления готовности на сговор против Сталина, Трумэн, к огорчению Черчилля, отклонил предложение остановиться по пути в Потсдам в Великобритании, чтобы отпраздновать англо-американскую победу.

Трумэн, однако, не испытывал угрызений совести в отношении встречи со Сталиным в отсутствие Черчилля. Прибегнув к тому же предлогу, каким воспользовался Рузвельт, когда хотел увидеться со Сталиным в Беринговом проливе, — то есть, указав, что он, в отличие от Черчилля, никогда не встречался со Сталиным, — Трумэн предложил организовать для него отдельную встречу с советским правителем. Но Черчилль оказался столь же чувствителен к исключению из советско-американского диалога, сколь серьезно отнеслись советники Трумэна к созданию иллюзии того, что Вашингтон и Лондон работают в тандеме. Согласно мемуарам Трумэна, Черчилль запальчиво уведомил Вашингтон, что он не будет присутствовать на встрече на высшем уровне, которая стала бы продолжением встречи между Трумэном и Сталиным[559]. Чтобы выполнить взятую на себя роль самоназначенного посредника и установить прямой контакт с руководителями союзников,